

№ 408 Бедница

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Осуждение богача

Великий Данте называл евангелиста Луку «писцом милосердия Божия», и это справедливо. Достаточно отметить, что имнно Лука пересказывает притчу Христову «О блудном сыне», которая по сути является квинтэссенцией всего Евангелия. Справедливо говорят, что, в случае утраты и забвения абсолютно всех книг Священного Писания, вполне можно было бы обойтись вот этим кратким, но великим повествованием, характеризующим отношение Всевышнего к нам, грешным.

Эта притча была изложена Лукой со слов Христа, по всей видимости, без каких бы то ни было субъективных интерпретаций, чего нельзя сказать о многих других евангельских рассказах, в которых Лука проявляется, как печальник о бедных и ненавистник богатых – жаждущий жестокого воздаяния.

Ну, вот, например, Матфей в изложении так называемых Заповедей Блаженства пишет: «Блаженны нищие **духами**, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). А Лука – «Блаженны **нищие**, ибо их есть Царство Небесное» (Мф. 5, 3). (В синодальном переводе Библии насильственно вписали в текст Луки «духом» – евангелист сей, по видимому, уверен был, что любому попрошайке гарантировано Царство Небесное уже просто за то, что он неимущий). Вряд ли так учил Иисус.

Похожая картина и с нынешним уставным евангельским чтением – притчи «О Лазаре и богаче». Текст всем нам слишком хорошо знаком: «Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях и желал напитаться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его».

В этих строках уже звучит как бы укоризна – один богат, а другой беден, один здоров, а второй болен, и напрашивается вывод, что богач плох уже тем, что богат, а бедный велик просто своей нищетой и болезнью. Однако опыт жизни свидетельствует о том, что среди бедняков всегда было достаточно народу весьма порочного. Также и среди состоятельных – не так уж редко встречаются милостивые и сердобольные.

Быть может, Лука проповедовал коммунизм, мечту бедняков всё отнять у имущих и разделить добро между собою, или – сказочную идиллию, когда обеспеченный человек поровну разделит своё благополучие с нищим – пригласит его за свой стол, а затем – и на своё ложе. Но сие и противоестественно, и, как свидетельствует всегдашний опыт, не сулит ничего хорошего. Кто в этом сомневается, может пригласить в свои дома или квартиры на ПМЖ нищелюбов, и убедиться в последнем.

Возможно, евангелист подразумевал отсутствие отзывчивости богача по отношению к Лазарю. Но в самом тексте автор этого повествования не приводит должных аргументов. Да, сказано: «и желал **бедняк** напитаться крошками, падающими со стола богача...», но в этом пассаже чувствуется лукавство Луки – мол, желал, но не мог – не давали. Если б не давали – не сидел бы, наверное, нищий под забором **этого** особняка, побрёл бы к другому, или бы помер через пару не-

дель. К слову говоря, нищие – люди, по-своему опытные – знают, в каком месте просить.

Т.е., выходит – таки **питался** нищий со стола богача – крохами, конечно, но что значит, крохами? **Объедками**, точнее, всем тем, что оставалось от обильных застолий – то, что недоедали домашние хозяина. Это в своё время сатирик Задорнов шутил, мол, «безработные в США действительно недоедают; поэтому нижайшая просьба – всё, что они там не доедают – пусть нам присылают». А юмориста Галустяна бомжи с Рублёвки вдохновили на многолетнюю рубрику в телепрограмме «Наша Раша».

Антоний Блум в своей проповеди на эту тему говорил: «...не был виноват человек, что он богат, и не заслуга человека, что он беден. В Евангелии немало людей состоятельных – в истории Церкви ещё больше – которые из избытка своего были радостью и благословением для других, потому что они были милосердны, жалостливы, милостивы. И, наоборот, много-много знаем мы людей, которые в своём убожестве делают горькими, жёсткими, немилосердными даже к тем, кто, подобно им, находится в нужде. Не в этом дело. Не спасет нас бедность, и не погубит нас богатство, как таковые...» Аминь! – хочется воскликнуть. Но далее Блум развивает мысль, характеризуя богача, как человека чёрствого, неотзывчивого, у которого «...сердце не смягчалось. Который пользовался всем, что дала ему жизнь, но не жалел тех, которые были лишены этого...». Иными словами, богач предстаёт перед нами и в понимании митрополита Антония, да и вообще, в расхожей церковной интерпретации, как **прожжённый эгоист**.

Однако «несостыковочка» выходит из дальнейшего повествования Луки: «... Умер нищий и отнесён был Ангелами на лоно Авраамово. (Ну для Ветхозаветного еврея – оказаться на груди самого Авраама – это предел всех мечтаний). Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем...» **Немногого** просит страдалец, не правда ли? И здесь, в духе Евангелия, должны бы следовать попытки облегчить участь грешника. А если сие невозможно – хотя бы посетовать о своей беспомощности, посочувствовать, посострадать несчастному. Ах, нет – Авраам злорадно констатирует: «... чадо! вспомни, что ты получил уже доброе своё в жизни своей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь...» Дескать, всё замечательно – справедливость восторжествовала?!!

Выразительная фраза – не правда ли?! Отнюдь не лучшим образом характеризующая праведника.

И тогда этот «чёрствый конченный эгоист» обращается к Аврааму: «...прошу тебя, отче, пошли Лазаря в дом отца моего, ибо у меня пять братьев; пусть он засвидетельствует им, чтобы и они не пришли в это место мучения...»

Нет, это вовсе не похоже на Швабрину – отрицательного персонажа из романа Капитанская дочка А.Пушкина, которого в последние мгновения жизни вдохновляло то обстоятельство, что казнят не его только, но и сослуживца Петра Гринёва. И какой же ужас обьял Алексея, когда он видит, что его товарища милуют – пароксизм отчаянной злобы и душевных страданий переживает Швабрин. Мощный и правдивый литературный образ.

Герой же евангельской притчи, наоборот – он не просит, чтобы его самого вывели из пламени мучений, и отправили на Землю к своим родным и близким, он, похоже, смирился со своей участью. Он озабочен другими – чтобы и **они** не попали в сие место мучений.

Иными словами, в изложении Луки (по всей видимости, не весьма удачном), в этой притче «лапоть оказывается не на той ноге». Положительным героем, скорее всего, оказывается – не Лазарь, а богач, хотя вероятно, автор вовсе не хотел подводить читателя именно к такому выводу.

А о том, каков сюжет этой притчи прозвучал на самом деле из уст Самого Господа – остаётся нам только гадать.

Если мы ещё недохристиане

Этика Ветхого Завета, как мы неоднократно подчёркивали с Вами, целиком построена на законах, правилах и предписаниях. В отличие от Нового. Для христианина, наоборот – главное правило – **никаких правил**. Хотя это только «по-идее», то бишь, по Евангелию. В **реальной** жизни церковных правил сочинили намного больше, чем иудеи со своими 613-ю... Причины разные – и глупые, и досадные, но и серьёзные. Ну, во-первых, не может наш брат руководствоваться собственным рассудком – дескать, не мудри, ты пальцем покажи перед какой иконой свечу возжигать, и с какого числа виноград и яблоки уже можно есть?

С другой стороны, племя «асисяев» не переводится, которые возбуждаются от собственных «низя!». Даже многие батюшки, окончившие семинарию, Вам могут сказать, что христианская жизнь заключается в соблюдении Закона Божия. Причём, большинство из таковых врут не сознательно, многие и вправду так искренне думают. **Беда**, на самом деле! Лучше б эти «святые отцы» не знали таблицу умножения и были убеждены, что дважды два – пять.

На самом деле, это дохристианская жизнь началась в исполнении всех и всяческих предписаний. Конечно, станут возражать, мол, ведь Сам Господь говорил: «**ЗАПОВЕДЬ** Новую даю вам: да любите друг друга» (Ин. 13, 34), так называемые «Заповеди Блаженства» все мы наизусть знаем, или – «Если любите Меня, – говорил Христос, – соблюдайте Мои Заповеди» (Ин. 14, 15) и пр.

Но, как легко понять нам, заповеди Христовы – никакой это не закон, не правило, **не обязанность**. **Евангельские заповеди** – это **призыв**, например, «любите друг друга!» – **не приказ**, и таковым быть не может. Ну а как можно принудить к любви?! Или это **рекомендация, совет** – дескать, если хочешь быть блаженным, будь таким-то или сяким. Например, желаешь узреть Бога и быть блаженным? – очисти своё сердце. Хошь очисти, не хошь – не очисти.

Более того – «Блаженства» – это как раз такой своеобразный систематизированный **идеал** христианской жизни. А идеал, как нам хорошо известно, **не может быть исполняем**. А так же **проблемам**. Нельзя, поэтому, посмотреть на себя, взглянуть внутрь и вычислить – нищ я духом, или все еще недостаточно, чист сердцем, или – так себе, а самое главное, **в какой степени** я уже чист, то есть, **на сколько** я в этом преуспел? Проверить это невозможно, а, следовательно – на статью закона сие не годится.

Вот **Ветхозаветная** – «Не поминай имени Господа Бога твоего напрасно» (Втор. 5, 11) – это уже конкретика. Воскликнул не к месту: «О, Боже!!!» – согрешил, нарушил Декалог. Да и все остальные заповеди Десятословия однозначны – там не увидишь, не спрячешься – нарушил, так нарушил.

С другой стороны, то, что надо **непрерывно** исполнять, никогда не может выглядеть в своем очевидном виде, как некий **идеал, к которому надо стремиться**. Вот почему нелепо, выглядит такая самохарактеристика, когда в ответ на вопрос: «В чем состоит твоя высокая нравственность?», слышишь: «Я никто не убил, не ворую, не прелюбодействую». Замечательно, конечно, что ты всего этого не делаешь, только что в этом особенного? Таковых людей полно, которые в этом не погрешают. И никакое это не достижение – это элементарная норма. Планка христианства – сказать, «намного выше» – будет абсолютно неверно. Во Христе – вовсе нет планки – есть стрела, указывающая в бесконечную высь.

Однако, **декларировать** себя христианами и **быть** ими – далеко не одно и то же. **Христианину** действительно не нужны законы, запреты – у него эти заповеди на скрижалях сердца написаны, конечно, **ЕСЛИ он христианин на самом деле**.

И вот здесь жирная запятая с ключевым словом «если».

В реальности многие из нас не то, что христиане – **до ветхозаветной нравственности не доросли**. И вот в таком случае возникает нужда в том же самом Декалоге, в иных формулах ветхозаветной морали, да и в христианских новоиспеченных канонах.

Реальность такова, что Моисеевы пережитки – даже эти элементарные 10 Заповедей, потерявших силу с приходом Христа, для многих остаются все же актуальными.

К слову сказать, «элементарные» – не значит «легко исполняемые». «Элементарные» здесь означает, что **за** пределами этих норм начинаются полные ненормативы, то есть, полный беспорядок. Мы хорошо знаем, что само по себе нравственное усилие не бывает простым, даже если оно касается таких, казалось бы, банальных вещей, как воровство. Ну, те из Вас, кто хорошо помнит свое детство, знают, что дети, поскольку они бывают мало отягощены такими железобетонными установлениями, что вот чужое брате нельзя ни в коем случае, – у них по мелочу что-то свистнуть – это как бы оно и ничего. Главное – не попасться, как известно. Вот такой инфантильный тип сознания – он в равной степени у людей присутствует, и в детстве нередко проявляется. Может быть, конечно, **есть** такие ангелочки без крыльев, которые вообще никогда ни на что в

жизни не позарились. Имеется в виду, необязательно даже стянули что-то – такие дети, наверное, есть. Но, как правило, ребенку очень трудно справиться с некоторой завистливостью, с очевидным желанием ухватить, если только не ударят по рукам за это. То есть, в принципе, усилие даже такого элементарного уровня – оно совсем не элементарно по своему напряжению. Потому что себя все время бить по рукам и все время напоминать себе, что это все-таки нельзя, потому что нельзя, – это непросто. Непросто даже в наши времена двухтысячелетнего христианства.

Вот категорическое «нельзя» – и категорическое «надо». Например, те из Вас, кто, например, стал-кавался с таким, казалось бы, самим собою разумеющимся правилом отдавать десятину в храм. Для иудеев Ветхого Завета это было почти то же самое, что «не укради». И тут начинается зуд: а нельзя ли десятиной считать то, что я какое-то свое старое пальто отдал соседу, все же таки имущество пожертвовал... Нет, десятину, оказывается, это все-таки то, что с дохода. А старое пальто – это не доход. А что считать доходом? Вот когда у тебя, к примеру, этот самый доход ниже прожиточного минимума? Неужели с него тоже надо десятину? Конечно, десятину, которая с такого дохода – она мизерная, но правило есть правило, надо отдать. Но как же так?.. Ну, и так далее.

Но это – зуд не только людей бедных. У богатых свои причуды и свои проблемы, как известно. Ну вот, когда начинается трезвый анализ, что если человек, прилично зарабатывающий (даже не богатый, которому удалось много хапнуть, а именно **зарабатывающий**), – так вот, если такой человек (особенно в наших условиях) трезво посчитает, сколько составляет его десятина, окажется, что она перекроет десятины человека двадцати. Потому что у него приношение другого порядка. Понятно, что если считать десятину, скажем, с дохода в 500 долларов (сегодня это очень приличная зарплата), а против него поставить, скажем, десятину с пенсии социальной или пособия по безработице, или с зарплаты медсестры или санитарки, то получится, что это раз в десять или двадцать больше. Хотя, по мировым меркам, это, в общем, так себе, ничего особенного. И вот человек задаёт себе вопрос: может, мне не десятину отдавать на храм, а, скажем, процента три? Ну, если прикинуть, что средний православный христианин может дать столько-то, то чего, спрашивается, требовать больше с того, кому эти деньги тоже непросто достаются? Вернее даже – именно **таким** людям они и достаются непросто, в отличие от тех, у кого маленькие зарплаты. Может быть, за счет того, что они много работают, им больше и дают. То есть, несть числа всяким таким экивокам. И все же есть банальное правило, и что тут особенного: вот ты получишь доход, отдай 10 процентов, и проблема решена. Как наше налоговое ведомство говорит: заплати налоги и спи спокойно. Так и здесь: отдай Богу десятую часть от того, что Он же тебе дает, в конечном итоге. Отдай **только десятую** часть.

Но как бы не так. А если всё-таки прикинуть, что десятая часть – это столько-то, даже если это пенсия какая-нибудь бабушкина? Бабушка тоже умеет считать и понимает, что на эту десятину она бы лучше себе тапочки прикупила, например, или кастрюльку, у нее как раз она прохудилась. Всегда найдется куда потратить. Даже мизерная сумма имеет некий стоимостный эквивалент. Ну, а у человека более состоятельного сразу другие предметы появятся, на что потратишь. В театре давно не был, еще что-то... И вот как раз, если эту десятину добавить, то можно отдохнуть не в осточертевшем доме отдыха, а где-нибудь в более цивилизованном и уединенном месте.

Так что не так элементарны усилия, которые надо тратить на то, чтобы исполнять элементарные нормы. Поэтому даже если человек устойчиво исполняет ряд элементарных правил, и за рамки приличия ни за что не может себе позволить переступить – это стоит дорогого, на самом деле. Возьмем поколение, ориентировочно скажем, нынешних 60-ти-70-летних людей, у которых было очень крепкое ощущение долга (конечно, в значительной степени навязанное тоталитарной жесткой системой), что вот чего-то просто нельзя, потому что, если ты эту грань переступишь, ты уже будешь сволочь следущая. И, кстати, такие люди электричество не воруют. Вкручивают 25-тиваттные лампочки, отказываются от обогревателей, мерзнут в шубах под двумя одеялами, но в **э** время несут последнюю копейку с пенсии за коммунальные услуги. Заповедь «не укради» дорого им обходится, но они **исполняют** эту заповедь. А оправдать воровство на самом деле очень легко: «а че они – много хотят. Себестоимость киловатта столько, а они берут столько». Но это уже **их** проблемы – это уже **их** на том свете, так сказать, будут жарить на сковородке.

Закон есть закон, говорили древние римляне. Чего нельзя, того нельзя, а что нужно, того не обойти – вот основная характеристика любой заповеди Ветхого Завета.

Да, христианин свободен от всех этих писанных правил, но только в том случае, если у него в **сердце** хранятся **неписанные** правила, если он совестлив.